

«Я ГОВОРЮ С ТОБОЙ ИЗ ЛЕНИНГРАДА...»

Сценарий урока

9-11 классы

ИСТОРИЯ

Наталья Владимировна КАРНИЗОВА,
преподаватель русского языка и литературы
государственного образовательного учреждения
начального профессионального образования
«Профессиональное училище № 34»,
г. Электрогорск, Московская область

ЧАСТЬ 2*

ОБОРУДОВАНИЕ

Коллаж о блокаде Ленинграда.
Рисунки и плакаты о блокаде Ленинграда.
Книжная выставка, посвящённая теме урока.
Аппаратура для показа слайдов.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Д. Д. Шостакович. Симфония № 7 («Ленинградская», До мажор). В исполнении Лондонского филармонического оркестра. Интернет-сайт: <http://intoclassics.net/news/2010-06-22-16929>.

Первую часть материала см. в № 6/2010 журнала.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Преподаватель
Чтецы (1) и (2)
Учащиеся (1) – (7)
Гости – участники
Великой Отечественной войны и труженики тыла

УЧАЩИЙСЯ (7): В блокадные дни сама история выбрала этот женский голос, голос Ольги Берггольц, негромкий, певучий, слёжкой картавинкой, чтобы в нём слились боль, страдания и героизм защитников города. Гремели разрывы бомб и снарядов, горели здания, дымились руины, а к обессиленным и истощённым людям доносился голос...

18 ЯНВАРЯ –
ДЕНЬ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА (1943 г.)

27 ЯНВАРЯ –
ДЕНЬ ПОЛНОГО СНЯТИЯ
БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (1944 г.)

ЧТЕЦ (1):

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна...
<...>

*О. Берггольц «...Я говорю с тобой
под свист снарядов...»*

УЧАЩИЙСЯ (7): Ольга Берггольц вела доверительные беседы с ленинградцами у микрофона, как рабочие у своих станков. Продолжением бесед становились стихи, которые шли от сердца к сердцу, от которых людям становилось теплее и спокойнее, так как они знали, что писал их человек, который страдал вместе с ними, но вещал о «желанном мире», который непременно наступит, поэтому нужно ждать и верить...

ЧТЕЦ (2):

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоём.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своём...
<...>

О. Берггольц «Разговор с соседкой»

ЧТЕЦ (1): Ольга Берггольц писала: «Уже в конце ноября появились на улицах города первые гробы, которые двигались не так, как подобает гробу, – важно, высоко над мостовой, а ползли на санках по самому снегу. Один район за другим погружался во тьму, подобную полярной ночи, – иссякала энергия, уходил из города свет, замирало движение. А люди слабели всё больше и больше. Уже многие не могли делать длинных переходов пешком и целыми днями неподвижно лежали под грудой одежд и одеял в тёмных ледяных квартирах... И сплошь и рядом оказывалось, что у такого ослабевшего, полуумирающего ленинградца существует только одна форма связи с внешним миром: это “тарелка” радио. Отсюда, из

этого чёрного круга на стене, доходили до человека людские голоса – значит, он ещё не один! Значит, где-то за стенами его дома живут люди, живёт город, живёт страна – они борются, они сопротивляются...»

УЧАЩИЙСЯ (7): Вера в победу, сила духа, удивительная проникновенность голоса придавали силы, помогали людям жить. Только такому человеку, который остался с ними в блокадном Ленинграде, люди верили; её слова, её точные слова вселяли надежду. В канун трагического нового, 1942 года, когда дома медленно умирал её муж – литературовед и критик Николай Степанович Молчанов, Ольга Берггольц обратилась к слушателям с такими проникновенными словами: «Ещё никогда не было в Ленинграде такой новогодней ночи, как нынешняя. Мне незачем рассказывать вам, какая она... И всё-таки, вопреки всему, да будет в суровых наших жилищах праздник! Ведь мы встречаем 1942-й в своём Ленинграде – наша армия и мы вместе с ней не отдали его немцу, не дали ему вторгнуться в город. Наш город в кольце, но не в плену, не в рабстве». Выступление заканчивалось стихами: «Живы. Выдержим. Победим». «Февральский дневник» Ольга Берггольц написала в феврале 1942 года на одном дыхании. Радиокomitee командировал её в Москву, где автора приглашали в гости, чтобы послушать «живого блокадника». Поэму переписывали от руки и распространяли не только среди жителей Москвы, но и читали на передовых позициях. Успех поэмы способствовал написанию новой поэмы вернувшейся в родной Ленинград поэтессы. «Ленинградская поэма» была напечатана в «Ленинградской правде» в июле 1942 года. Огромное количество писем пришло с фронта, с флота, от известных людей и неизвестных. К Ольге Берггольц пришло настоящее, народное признание: её стихи давали новые силы, вселяли уверенность в освобождение, приближали выстраданную Победу. И вот он настал, этот долгожданный день, когда можно свободно выдохнуть в микрофон сквозь слёзы...

ЧТЕЦ (2):

<...>

...Я четыре года самой гордой –
русской верой – верила, любя,
что дождусь –
живую или мёртвой,
всё равно, –
но я дождусь тебя...

<...>

О. Берггольц «Встреча с Победой»

УЧАЩИЙСЯ (1): Всю войну летали над Ленинградом фашистские самолёты, а Смольного так и не нашли. Спрятали его военные маскировщики: над Смольным и всеми домами вокруг, над скверами и аллеями натянули огромную сетку; на ней нарисовали деревья, кусты, аттракционы, пруд. Сетку и гамаки нашли в универмаге «Дом ленинградской торговли». Гамаки освободили от палок, сплели вместе, добавили другие сетки (рыболовные, волейбольные) да ещё специально доплели. Наклеили на неё сверху куски материи, прикрепили листы фанеры, разрисовали, натянули на крепких тросах – получилась пейзажная

картина, но исчез Смольный. Обычную картину один раз рисуют, а эту «диковину» каждый год четыре раза перерисовывали: на деревьях осенью листья желтели, поэтому приходилось людям спускать сетку, добавлять на картину осенние краски (жёлтые, оранжевые, красные), а зимой покрывали всё снегом, стеклили пруд ледяной коркой. Так и выстоял Смольный не под толстой стальной бронёй, а под тоненькой сеточкой. Пуще глаза берегли его от фашистских стервятников наши лётчики, зенитчики и художники-маскировщики.

УЧАЩИЙСЯ (2): Дальнобойные орудия врагов стояли близко – на Вороньей горе. Немецкие артиллеристы разглядывали город в бинокли, и золотые шпиль Петропавловки и Адмиралтейства были для них великолепными ориентирами. Необходимо было убрать их золотое сияние.

Сначала Адмиралтейскую иглу хотели закрасить, но архитектор Ольга Николаевна Шилина предложила сберечь позолоту и надеть на шпиль маскировочный халат – чехол из мешковины. Вертолётов в ту пору ещё не было, необходимо было забраться на золотую иглу и на самом острие возле кораблика укрепить блок, пропустить через него канат и уже по нему подняться ввысь. Сделали это с помощью воздушных шаров-попрыгунчиков. Не сразу, но всё же старший лейтенант Владимир Григорьевич Судаков добрался до самого кораблика и укрепил блок. И тогда к Адмиралтейской игле пришли альпинисты. Но самое удивительное зрелище произошло позднее: на головокружительной высоте, на тоненькой доске, подвешенной на петлях к блоку, ленинградцы увидели сидящую женщину,

○ Зенитки на набережной.
Художник С. Мочалов.
1942 г.

○ Верхолазы-альпинисты
за проведением
демаскировочных работ
на шпиле Адмиралтейства
(наверху О. А. Фирсова)

которая сшивала маленькой портновской иглой чехол на огромной Адмиралтейской игле. Этой женщиной была дирижёр-хормейстер Ольга Фирсова. Рядом с ней, сменяя друг друга, трудились делопроизводитель Александра Пригожева, осветитель со студии «Ленфильм» Алоизий Земба, младший лейтенант Михаил Бобров. Сияние золотой иглы спрятали. Но как укрыть само здание Адмиралтейства от бомб и снарядов?

 Александра Ивановна Пригожева

С декабря 1941 года артиллерийские снаряды стали попадать внутрь здания, ранили статую Афины. В апреле 1942 года бомбы уничтожили не только фигуры скульптур, но и повредили часть живописных плафонов зала Адмиралтейского совета. Срочно требовалась помощь, необходимо было сохранить росписи потолков, барельефы на стенах. Старейший художник-реставратор Валентин Семёнович Щербаков, согрелая об электрическую лампочку озябшие руки, на шатких, наспех сколоченных лесах снимал на кальку старинные росписи. Шестидесятилетний скульптор Яков Абрамович Троупянский под свист снарядов и вой непогоды поднимался под карнизы фронтонов и там, безо всяких лесов, опоясав себя пожарным поясом, реставрировал повреждённые барельефы. Адмиралтейская игла стала символом гордости, стойкости, мужества защитников невольской твердыни. Художники блокадного города рисовали её на плакатах и открытках. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», где Адмиралтейская игла достойно встала на ней в шеренгу защитников города, идущих на врага с винтовками наперевес.

ЧТЕЦ (1):

Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,

Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла...
<...>

Н. Браун «Медаль»

УЧАЩИЙСЯ (3): В Ленинграде, при круглосуточной бомбёжке, при минусовой температуре в комнате, больной, смертельно уставший человек педантично вёл записи, помня о том, что он свидетель и участник неповторимых по героизму и исторической важности собы-

тий. Всеволод Вишневский был не только писателем, но и военным. Находясь в осаждённом Ленинграде, он не только выполнял все поручения Политического управления Балтийского флота, которому был подчинён, но и организовывал и возглавлял единственную оперативную группу писателей при данном управлении, члены которой вели политическую работу на суше и кораблях. Вишневский собирал сводки с фронта, трофейные материалы, протоколы допросов пленных – и тут же писал листовки, очерки, сценарии радиопередач. И результат был огромен: о том свидетельствовали отклики на радиопередачи, показания пленных немцев, читавших его листовки. Выезжая к лётчикам, морякам, Вишневский проводил беседы, делал доклады о международной обстановке на фронтах, писал очерки о лучших снайперах, асах, подводниках. Не меньше сил он отдавал и ленинградцам – часто выезжал на заводы, выступал в печати, по радио, всякий раз находя при этом искренние слова, помогавшие жить и бороться за Победу.

ЧТЕЦ (2): Из новогодней речи Всеволода Вишневского 31 декабря 1942 года: «...Путь к Победе – это непрестанное трудное и духовное напряжение, дисциплина, требовательность к самому себе и к другим... Мы многих потеряли – никогда в жизни таких потерь, такого горя мы не испытывали, как за последние полтора года. Но разве мыслимо поддаться? Немецкие глаза следят

за нами: кто у русских согнётся, кто потеет веру, у кого потухнет огонь в сердце и в очах, у кого ослабнут руки, опустятся устало плечи. Не поддавайтесь этому – те, у кого и самое большое горе. Город, сам Ленинград, с живой душой, такой большой, всё испытывавшей, – говорит тебе: держись, друг! Город кладёт свою большую ласковую руку на голову твою и гладит тебя... Иди же вперёд – и сделай и горе, и боль свою орудиями борьбы – во имя России, во имя правды, во имя всего человечества. Иди и дай слово – терпеть... И боль твоя утихнет и претворится в дела, в подвиг, – на душе станет хорошо. Иди в общих крепких рядах. Вот почувствуй – локоть соседа. Вот крепкие плечи! Смотри – какие кругом товарищи!.. Шёпот по миру идёт: “Это – ленинградцы”...»

УЧАЩИЙСЯ (3): Вишневский не ограничивался листовками и речами, хотя относился к ним со всей серьёзностью и горячностью натуры. В 1942 году по просьбе Театра музыкальной комедии – единственного театра, действовавшего во время блокады – вместе с драматургом Александром Кроном и поэтом Всеволодом Азаровым написал пьесу «Раскинулось море широко». Музыкальная комедия, не свойственная ни Крону, ни Вишневскому, явилась вызовом всем тяготам и страданиям, выпавшим на долю блокадников. В 1943 году новая пьеса – «У стен Ленинграда». Вишневский назвал её романтической, хотя речь шла в ней о кровавых боях, о крайне напряжённом времени, когда немцы в подвалах Петергофа убивали матерей и детей защитников Ленинграда, когда «на фронт едут трамваем, фронт ближе обычного маршрута». Что же здесь романтического? Оказывается, романтика Вишневского – это способность самого автора и его героев быть выше личных забот, выше частностей, как бы значительны они ни были, выше голода, что значит – жить, дышать судьбой страны, её народа, с единственной задачей победить.

Кроме пьес был написан сценарий фильма о Ленинграде. Вишневский не только работал, но и размышлял о послевоенной литературе, о гуманности советских людей, о быте, мечтал о реорганизации преподавания русского языка в школе; о тишине кабинета, о солнечном пляже и пении птиц в лесу. Войну, кровь, разрушения, страдания Вишневский воспринимал как явления аморальные; он подчинялся законам войны ради того, чтобы люди в будущем могли радоваться жизни. Всеволод Вишневский пробыл в Ленинграде «40 месяцев и 10 дней», как записал он сам 1 ноября 1944 года...

ЧТЕЦ (1): «Днём написал радиоречь о том, как прорвали блокаду, а вечером прочитал её с огромным подъёмом. За всю войну эти радиобеседы – самое горячее, близкое моей душе дело. Это моё отношение, моя любовь к родному городу... Это некий новый этап и в моей литературной работе...» (Всеволод Вишневский).

УЧАЩИЙСЯ (3): Как только миновала опасность для Ленинграда, Вишневский вместе с частями Красной армии двинулся на Запад. Он стал очевидцем капитуляции Берлина. Право на поездку в Берлин и присутствие при капитуляции в роли корреспондента «Правды» он оговорил тогда, когда его вызывали из осаждённого Ленинграда в Москву с предложением вернуться в журнал «Знамя», главным редактором которого Вишневский был до начала войны.

УЧАЩИЙСЯ (4): Суровые условия блокады не нарушили полностью нормального ритма жизни в городе-фронте. В сентябре – октябре 1941 г. студенты 40 вузов начали занятия. Вся деятельность высшей школы Ленинграда была направлена на решение тех задач, которые выдвинули война и оборона города. Учёные пересматривали и составляли заново учебные планы и программы курсов в соответствии с только что введёнными сокращёнными сроками обучения. Особое внимание обращалось на повышение качества знаний, предусматривалось обучение всех студентов и профессорско-

преподавательского состава военному делу, противохимической и противопожарной защите. Первостепенная роль отводилась тем курсам и дисциплинам, которые в условиях военного времени имели практическое значение. Обгонная тематика нашла своё выражение в дипломных работах студентов. Большинство студентов учебные занятия совмещали с работой на заводах и фабриках, в производственных мастерских, на строительстве оборонительных укреплений, в рабочих отрядах, госпиталях, командах МПВО. Во всех институтах учебные занятия были построены так, что позволяли чередовать оборонную и академическую работу. Преподаватели оказывали всемерную помощь студентам в их самостоятельной работе, широко практикуя систему месячных заданий, контрольных работ, консультаций, сдачи зачётов и экзаменов в течение всего учебного года. Не прекратили своей деятельности в период первой блокадной зимы и крупнейшие ленинградские вузы – Университет, Политехнический институт, Институт инженеров железнодорожного транспорта, Горный институт. Занятия проходили в необычной обстановке: вокруг печки-временки расставлялись столы, за которыми располагались студенты

 Горный институт (ныне Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г. В. Плеханова).
Архитектор А. Н. Воронихин.
Скульпторы С. С. Пименов
и В. И. Демут-Малиновский. 1806–1811 гг.

 Электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина). Главный корпус.
Архитектор А. Н. Векшинский.
1899–1903 гг.

и преподаватели. Из-за отсутствия электричества всю учебную работу приходилось вести только при дневном освещении или при свете коптилки. В жестоких условиях голодной блокады ленинградские учёные рассматривали обучение студентов как свой долг перед Родиной. Обессиленные, по-прежнему приходили на свои факультеты, читали лекции, проводили лабораторные занятия, руководили дипломными проектами студентов-выпускников. В университетских аудиториях, окна которых были забиты фанерой, крупнейшие учёные читали свои лекции. В 1941/1942 учебном году в вузах осаждённого Ленинграда работало около тысячи преподавателей, среди них свыше 500 профессоров и доцентов. В январе – феврале 1942 года, когда страшный голод, отсутствие топлива и электроэнергии грозили парализовать жизнь Ленинграда, ряд институтов города проводил очередную экзаменационную сессию, а также государственные экзамены и защиту дипломных проектов. Несмотря на строгие требования, предъявлявшиеся к экзаменуемым, большинство студентов получили хорошие и отличные оценки. В результате чрезвычайных усилий ленинградские вузы подготовили и выпустили в первую блокадную зиму 2500 молодых специалистов.

Вследствие ухода тысяч юношей и девушек на фронт и на производство контингент

студентов ленинградской высшей школы значительно сократился. В крупнейших вузах города (Университете, Политехническом, Горном) число учащихся уменьшилось более чем в 2 раза по сравнению с довоенным временем. Тем не менее осенью 1941 года ленинградские институты дали городу дополнительно сотни инженеров, технологов, врачей, учителей. Электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина) провёл досрочный выпуск специалистов радио и телефона. Первый медицинский институт имени академика И. П. Павлова подготовил более 500 врачей, в которых так нуждались госпитали и больницы осаждённого города.

УЧАЩИЙСЯ (5): К началу войны в Ленинграде оставалось пять действующих церквей: Никольский морской собор, Князь-Владимирский и Преображенский соборы, две кладбищенские церкви. Во время блокады храмы были переполнены молящимися, причастниками. Голод и холод были под сводами соборов, певчие пели в пальто и валенках. От взрывов бомб и снарядов вылетели стёкла из окон, но служба продолжалась. Митрополит Алексей отказался от эвакуации, жил при Никольском соборе и служил в нём каждое воскресенье. Владыка стал для многих ленинградцев опорой и надеждой. Когда наступил голод, Алексей посещал остальные храмы, дома многих верующих, передвигаясь по городу пешком или на путных военных машинах. Он спешил туда, где, по его мнению, необходимо было пастырское слово. Он отказывался от принесённых приношений, того же требовал и от других пастырей. Его проповеди

○ **Памятник погибшим сотрудникам Ленинградского электротехнического института.**
Скульптор А. Г. Дема.
Архитектор В. А. Гребеньков

всегда дышали уверенностью в Победе: «Никогда не забывайте, что только в дружном сотрудничестве фронта и тыла кроется успех полной и скорой победы над врагом...» 29 марта 1942 года, в Вербное воскресенье, в Ленинградских храмах было прочитано обращение митрополита к пастве...

ЧТЕЦ (2): «Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъёма и мощной веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, спасающего нас от малодушия и бури. И само воинство сильно не одной численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот

дух единения и воодушевления, которым живёт теперь весь русский народ».

УЧАЩИЙСЯ (5): В блокадные дни заботой были окружены раненые и дети. В стенах соборов были открыты лазареты и пункты питания для сирот. По предложению владыки Алексея начали снова сбор пожертвований, но уже не для страны, а в Фонд блокадного города. В апреле 1942 года, в тяжелейшие дни Лобаньской операции в Александро-Невской лавре состоялся торжественный молебен по случаю 700-летия победы русских воинов на Чудском озере. Воинские части Ленинградского фронта после благословения митрополитом Алексием под развёрнутыми знамёнами от лавры двинулись на передовые позиции. 11 октября 1943 года в Смольном группе православного духовенства из одиннадцати человек были вручены медали «За оборону Ленинграда». Первым её получил митрополит Алексей, затем настоятель

○ **Никольский морской собор.**
Архитектор С. И. Чевакинский. 1753–1762 гг.

Никольского собора Павел Тарасов, настоятель кафедрального собора Никольского собора Сергей Румянцев, настоятель Никольской церкви Охтинского кладбища Михаил Славницкий и другие священнослужители.

В статьях и документах военной поры, где речь идёт о защитниках Ленинграда, наряду с воинами, рабочими, женщинами почти всегда говорится о детях...

ЧТЕЦ (1): Александр Фадеев в путевых заметках «В дни блокады» писал: «Дети школьного возраста могут гордиться тем, что они отстояли Ленинград вместе со своими отцами, матерями, старшими братьями и сёстрами. Великий труд охраны и спасения города, обслуживания и спасения семьи

выпал на долю ленинградских мальчиков и девочек. Они потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолётов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом... И они были равными в том поединке благородства, когда старшие старались незаметно отдать свою долю младшим, а младшие делали то же самое по отношению к старшим. И трудно понять, кого погибло больше в этом поединке».

УЧАЩИЙСЯ (6): Когда замкнулось блокадное кольцо, в Ленинграде оставалось помимо взрослого населения 400 тысяч детей – от младенцев до школьников и подростков. У них было особое, опалённое войной, блокадное детство. Они росли в условиях голода и холода, под свист и разрывы снарядов и бомб.

Монография «Рисуют дети блокады»: Шурик Игнатъев, трёх с половиной лет от роду, 23 мая 1942 года в детском саду покрыл свой листок беспорядочными карандашными каракульками с небольшим овалом в центре. «Что ты нарисовал?» – спросила воспитательница. Он ответил: «Это война, вот и всё, а посередине булка. Больше не знаю ничего». Живым напоминанием о тяжких блокадных днях остались строки из дневника маленькой школьницы Тани Савичевой: «Умерли все. Осталась одна Таня». После смерти

○ **Таня Савичева**

○ **Дневник Тани Савичевой. Текст дневника воспроизведён на стелах мемориала «Цветок жизни» в составе Зелёного пояса Славы**

родных девочка попала в детский дом, откуда её вывезли на Большую землю. За жизнь Тани боролись два года, но спасти так и не смогли. С декабря 1941 по май 1942 года она вела краткие записи о том, как на её глазах умирали родные – бабушка, дядя, мать... Тانيا не дожила до конца войны: в 1944 году она умерла от дистрофии, но остался живой свидетель блокадной жизни – её дневник.

ЧТЕЦ (2):

На берегу Невы, в музейном здании,
Хранится очень скромный дневничок.

Его писала Савичева Тания.

Он каждого пришедшего влечёт...

О. Берггольц «Ленинградский дневник»

УЧАЩИЙСЯ (6): Дети были такими же блокадниками, как и взрослые. И погибали так же. Но они ухитрялись таким образом распределять силы, что их хватало не только на семейные, но и на общественные дела. Пионеры разносили почту по домам. Когда во дворе звучал горн, надо было спускаться за письмом. Они пилили дрова и носили воду семьям красноармейцев. Чинили бельё для раненых и выступали перед ними в госпиталях. Маленький ленинградец Женя Терентьев писал 8 августа 1942 года в газете «Смена»...

ЧТЕЦ (1): «До войны мы жили хорошо и счастливо. Фашисты помешали нам. Во время артиллерийского обстрела вражеские снаряды разрушили наш дом. Я слышал раздававшиеся из-под его обломков стоны моих товарищей и друзей. Когда их раскопали в груде камней и досок, они уже были мертвы. Я ненавижу фашистских гадов! Я хочу мстить за своих погибших товарищей...»

УЧАЩИЙСЯ (6): Несмотря на суровую обстановку фронтового города, Ленинградский городской комитет партии и городской Совет депутатов трудящихся приняли решение продолжать обучение детей. В конце октября 1941 года 60 тысяч школьников 1–4-х классов приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ

и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели ещё более 30 тысяч учащихся 1–4-х классов. Занятия проходили в необычной обстановке. Нередко во время урока раздавался вой сирены, возвещавшей об очередной бомбёжке или артобстреле. Ученики быстро спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались. Учителя имели два плана уроков на день: один – для работы в нормальных условиях, другой – на случай артобстрела или бомбёжки. Обучение проходило по сокращённому учебному плану, в который были включены только основные предметы. Каждый учитель стремился проводить занятия с учащимися как можно доступнее, интереснее, содержательнее.

ЧТЕЦ (2): «К урокам готовлюсь по-новому, – писала осенью 1941 года в своём дневнике учительница истории 239-й школы К. В. Ползикова, – ничего лишнего, скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь им в классе. Не ведём никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжёлого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя.»

УЧАЩИЙСЯ (7): Учиться в жестоких условиях зимы было сравнимо с подвигом. Учителя и ученики сами добывали топливо, возили на санках воду, следили за чистотой в школе. В учебных заведениях стало необычайно тихо, дети перестали бегать и шуметь на переменах, их бледные и измождённые лица говорили о тяжких страданиях. Урок продолжался 20–25 минут: больше не выдерживали ни учителя, ни школьники. Записей не вели, так как в неотапливаемых классах мёрзли не только худые детские ручки, но и превращались в лёд чернила. Рассказывая об этом незабываемом времени, ученики 7-го класса 148-й школы писали в своём коллективном дневнике...

ЧТЕЦ (1): «Температура 2–3 градуса ниже нуля. Тусклый зимний свет робко

пробивается сквозь единственное небольшое стекло в единственном окне. Ученики жмутся к раскрытой дверке печурки, ёжятся от холода, который резкой морозной струёй рвётся из-под щелей дверей, пробегает по всему телу. Настойчивый и злой ветер гонит дым обратно, с улицы через примитивный дымоход прямо в комнату... Глаза слезятся, читать тяжело, а писать совершенно невозможно. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже в головных уборах...»

УЧАЩИЙСЯ (7): Учеников, продолжавших заниматься в суровую зиму 1941/1942, с уважением называли зимовщиками.

Наступил 1942 год. В школах, где не прекращались занятия, были объявлены каникулы. И в незабываемые январские дни, когда всё взрослое население города голодало, в школах, театрах, концертных залах для детей были организованы новогодние ёлки с подарками и сытным обедом. Для маленьких ленинградцев это было настоящим большим праздником. Одна из учениц писала об этой новогодней ёлке...

ЧТЕЦ (2): «6 января. Сегодня была ёлка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: всё думала об обеде. Обед был замечательный. Все жадно ели суп-лапшу, кашу, хлеб и желе и были очень довольны. Эта ёлка надолго останется в памяти».

УЧАЩИЙСЯ (7): Одна ленинградская учительница очень верно заметила, что «надо быть ленинградцем, чтобы оценить всю заботу о детях, которую в это время проявили и партия, и правительство, надо было быть учителем, чтобы понять, что дала ёлка детям».

УЧАЩИЙСЯ (1): Весной 1942 года в опустевшие, обезлюдевшие цеха предприятий пришли тысячи детей и подростков. В 12–15 лет они становились станочниками и сборщиками, выпускали автоматы и пулемёты, артиллерийские и реактивные снаряды. Чтобы они могли работать за станками и сборочными верстаками, для них

○ Награждённый медалью.
Художник В. Раевская. 1945 г.

изготавливали деревянные подставки. Когда в канун прорыва блокады на предприятия стали приезжать делегации из фронтовых частей, бывалые солдаты глотали слёзы, глядя на плакатики над рабочими местами мальчишек и девчонок. Там было написано их рукой: «Не уйду, пока не выполню норму!»

Сотни юных ленинградцев были награждены орденами, тысячи – медалями «За оборону Ленинграда». Через всю многомесячную эпопею героической обороны города они прошли как достойные соратники взрослых. Не было таких событий, кампаний и дел, в которых они не участвовали: расчистка чердаков, борьба с зажигалками, тушение пожаров, разборка завалов, очистка города от снега, уход за ранеными, выращивание овощей и картофеля, работа по выпуску оружия и боеприпасов, – всюду действовали детские руки. На равных, с чувством исполненного долга встречались ленинградские мальчишки и девочки со своими сверстниками – «сыновьями полков», получившими награды на полях сражений. Полностью от блокады Ленинград был освобождён только в январе 1944 года. Несмотря на лужи и туман, многие жители вышли на площади и улицы к репродукторам, чтобы услышать по радио долгожданную радостную весть.

○ Д. Д. Шостакович за работой над Седьмой симфонией

○ Д. Д. Шостакович на защите блокадного города. Фото Р. Мазалева. 1941 г.

УЧАЩИЙСЯ (8): Трудно представить, что в осаждённом городе читали классиков, поэтов. Охапками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промёрзлых квартирах лежа при свете коптилок читали или писали стихи. 9 августа 1942 года состоялась ленинградская премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Симфония звучала не только как вызов врагу, но и как предвестник Победы. «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе, победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию», – писал Дмитрий Шостакович.

Сам город в блокадные дни стал явлением, обнажающим свою непобедимую природу борца. Ленинград, как русского солдата, можно было убить, но не победить. Каждый камень его говорил о великих событиях, о великих подвигах. Подвиг был обыденностью. Люди, спасавшие в блокаду ценности и коллекции, не знали, будут ли они живы завтра. Но они верили, что на их месте встанут другие, и так же исполнят свой долг, и будут верить в Победу. Изменились улицы, дома, перекрёстки; изменились лица людей, их речь, их движения. У каждого было своё горе, своё несчастье, свой ужас: сжатые губы, суровые глаза, скупые движения, короткие слова или

многозначительное молчание. Никогда такими не были ленинградцы. Люди, оставшиеся в блокадном Ленинграде, превратились в одну семью, в один небывалый коллектив.

ЧТЕЦ (1):

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идёт выручать Ленинград?

Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой ещё, он всё слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!»
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.
<...>

*А. Ахматова «Птицы смерти
в зените стоят»*

○ Расстрел. Художник В. Серов. 1942 г.

○ Прорыв блокады Ленинграда.
Художники В. Серов, И. Серебряный,
А. Казанцев. 1943 г.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: В каждом сердце осталась маленькая частица памяти о тех, кто сражался в блокадные дни с врагом, кто помогал духовно, кто совершал нравственный подвиг. Такие люди останутся в памяти. Да будет так! Город выжил, не сдался. Город выстоял под гул взрывов фашистских бомб и снарядов. Город выжил благодаря героям невидимого фронта. Эти герои сберегли, сохранили не только свой город, но и несметные богатства, ценнейшие коллекции. Ни один из них не покинул своего поста. Сохраняя, сберегая, они жили

○ Блокада снята! Ленинград.
Фото Д. М. Трахтенберга

одной жизнью с городом, помогали ему чем могли. Девятьсот блокадных дней вошли в историю как образец духовной, моральной и нравственной стойкости людей, как высочайшее мужество, как содружество человека и искусства. Вера в Победу, в непобедимость города воодушевляли людей. Они знали, что народные достоинства будут нужны потомкам. Духовный и нравственный подвиг защитников Ленинграда вовеки не будет забыт. Ольге Берггольц принадлежат слова, высеченные на обелисках, памятниках погибшим: «Но знай, внимающий этим камням, / Никто не забыт, и ничто не забыто».

ЛИТЕРАТУРА

Алянский, Ю. Ленинградские легенды. – Л.: Лениздат, 1985.

Берггольц, О. Дневные звёзды. Говорит Ленинград / сост. М. Ф. Берггольц. – М.: Правда, 1990.

Вишневский, В. В. Дневники военных лет: (1943, 1945 гг.) / сост. и автор вступит. статьи Е. Янковская. – М.: Сов. Россия, 1979.

Война. Народ. Победа, 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. И. М. Данишевский, Ж. В. Таратута. – Кн. 1. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983.

Ленинград. Путеводитель / сост.: В. А. Витязева, Б. М. Кириков. – Л.: Лениздат, 1986.

Петербург – Петроград – Ленинград в русской и советской литературе / сост. В. П. Мещеряков. – Л.: Русский язык, 1986.

Ради жизни на земле: Репертуар: сб. для руководителей шк. худож. самодеятельности / сост. А. В. Фоменко. – М.: Просвещение, 1990.

Суслов, В. Н. Рассказы о Ленинграде: Очерки и рассказы. – переизд. / рисунки и оформл. С. Яковлева. – Л.: Дет. лит., 1988.

Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. – Л.: Художник РСФСР, 1973.

Энциклопедия для детей. Дополнительный том. Российские столицы. Москва и Санкт-Петербург. – 2-е изд., испр. / глав. ред. В. А. Володин. – М.: Аванта+, 2002.